

«Утверждаю»

Ректор

ФГБСН ВОО «Воронежский
государственный университет»
доктор экономических наук,
профессор
Д.А. Ендовицкий

«05» сентября 2022 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Карповой Анастасии Алексеевны на тему «Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в гражданском судопроизводстве», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертационное исследование А.А. Карповой выполнено на актуальную, современную и практически важную тему. Как отмечает небезосновательно диссертант, одним из направлений развития процессуальной доктрины может стать исследование процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения отдельных категорий споров (стр. 4-5). Приведенный тезис предполагает одобрение по различным причинам: от усложнения содержания материальных правоотношений до дифференциации процессуальных порядков рассмотрения и разрешения отдельных категорий дел.

Работа А.А. Карповой выполнена на высоком уровне. Впечатляет объем привлеченных специальных источников. Причем, речь не просто о количественном составе списка использованной литературы. Автор действительно работает с источниками, иллюстрируя это результатами собственной аналитической деятельности не только в основном тексте диссертации посредством обзора позиций и точек зрения, но и в своевременных сносках по тексту работы. По сути, в сносках неоднократно диссертант проводит параллельные исследования, не заполняя основное изложение необходимыми ответвлениями.

Отличительная черта и характеристика диссертации – осуществленный анализ доктринальных положений, позиций судов и

законодательства на стыке материального и процессуального права. На первый взгляд, тематика работы предполагает материально-процессуальный подход. С другой стороны, следует признать, что, в исследовательских работах, связанных с выявлением особенностей рассмотрения отдельных категорий дел нечасто обнаруживается необходимый баланс процессуального подхода с материально-правовым присутствием. Например, глава первая представляет собой образец качественного исследования в сфере процессуального права и материального одновременно.

К положениям диссертации, которые не следует оставлять без внимания, необходимо отнести, например: выводы о «внеисковых» режимах признания сделки недействительной (глава первая, стр. 127-128), условное разделение на группы оснований исков (стр. 64-65), выводы автора о предметах исков (стр. 70), позиция об исключительной подсудности (стр. 80), выводы о допустимости иска третьего лица о применении последствий недействительности сделки к сторонам данной сделки (стр. 95-96) и др.

Отзыв на диссертацию А.А. Карповой станет незавершенным, если не отметить те части работы, которые содержат результаты аналитических обзоров, основанных на материалах правоприменительной практики.

Важно отметить, что многочисленные выводы и констатации А.А. Карповой не остаются в нереализованном теоретическом состоянии. Позиции автора находят продолжение в его предложениях по изменению законодательства. Например, предложение о внесении в процессуальные законы правил о замене ненадлежащего способа защиты права, аналогичных существующим в них правилам замены ненадлежащего ответчика (стр. 120).

В то же время диссертационное исследование, отличающееся новизной и творческим подходом, не может не содержать отдельные положения, вызывающие вопросы или требующие пояснений и

дополнительной аргументации. Представленная на защиту диссертация не является исключением из приведенного правила. Некоторые вопросы и уточнения, адресуемые автору, приводятся ниже.

1. А.А. Карпова пишет о необходимости предъявления как требования о преобразовании правоотношения из оспоримой сделки, так и реституционного требования для совместного рассмотрения в рамках одного дела, либо с небольшим разрывом во времени в рамках разных дел, но при обеспечении последовательного рассмотрения первого требования, а потом второго (стр. 42, также стр. 54). При этом отмечается, что в противном случае может сложиться впечатление, что истец использует указанный способ защиты права вопреки его законному предназначению, то есть действует со злоупотреблением правом, недобросовестно. Удовлетворение иска о признании оспоримой сделки недействительной без реализации механизма возврата сторон в первоначальное положение может привести к правовой неопределенности в правоотношении истца и ответчика (стр. 41-42).

Далее, однако, автор не поясняет, каким образом следует поступить суду, если предъявлено лишь одно требование – о признании оспоримой сделки недействительной? Необходимо ли в таком случае наделить суд правом выхода за пределы исковых требований, позволив по собственной инициативе рассматривать вопрос о реституции?

2. Применительно к вопросу о допустимости предъявления реституционного требования третьим лицом (не стороны сделки) автор пишет о том, что допустимость предъявления таких исков должна быть связана с ограничениями, связанными с исключением причинения вреда сторонам правоотношения. Одним из оптимальных способов соответствующего ограничения видится, как пишет автор, наделение суда специальными полномочиями по отказу в принятии искового заявления или по прекращению производства по делу в случае, если будет установлено отсутствие интереса третьего лица на обращение с

реституционными требованиями к сторонам данного реституционного правоотношения (стр. 102-103).

Прекращая производство по делу или отказывая в принятии искового заявления, суд не рассматривает дело по существу, не устанавливает обстоятельства дела, не анализирует материальное правоотношение. Может ли в указанных условиях суд в каждом конкретном случае сделать однозначный вывод об отсутствии интереса третьего лица на обращение с реституционными требованиями к сторонам данного реституционного правоотношения?

3. Диссертант утверждает, что процессуальной особенностью распределения бремени доказывания по рассматриваемой категории споров является широкое использование оценочных категорий при формулировании обстоятельств, входящих в предмет доказывания (стр. 147 и далее, 157). В контексте затронутого вопроса А.А. Карпова предлагает в качестве одного из перспективных направлений в конкретизации оценочных категорий в формулировках обстоятельств предмета доказывания правило, позволяющее суду по своему усмотрению в целях конкретизации правовой неопределенности уточнять распределение бремени доказывания, предоставляя той или иной стороне определенные преференции для выравнивания симметричности в положении сторон в процессе (стр. 157). Уточнение в связи с процитированным предложением сводится к следующему. Какими критериями, основанными в том числе на фактических обстоятельствах конкретного дела, необходимо будет руководствоваться суду, предоставляя той или иной стороне определенные преференции? Будет ли в таком случае предметом проверки судом вышестоящей инстанции действия суда первой инстанции по предоставлению преференции для выравнивания симметричности в положении сторон?

4. Автор обращается к юридическим фактам, возникающих после возбуждения производства по делу о признании сделки недействительной

и о применении последствий ее недействительности, и их влиянию на решение суда (стр. 174). Разновидность таких юридических фактов предусмотрена положениями п. 4 ст. 178 ГК РФ, согласно которым в случае выражения другой стороной оспариваемой сделки согласия на сохранение ее силы на условиях, из представления которых исходила заблуждающаяся сторона, суд может отказать в иске о признании сделки недействительной, указав при этом в своем решении эти условия (стр. 175).

Рассуждая о характере решения суда (преобразовательное решение или решение о признании действительности сделки), автор отмечает, что более логичным вариантом реализации права ответчика выразить согласие на сохранение сделки на иных условиях и реализации данного права в процессе с учетом мнения истца относительно итога судебного разбирательства является использование примирительных процедур, по итогам которых стороны вправе, в частности, заключить мировое соглашение или соглашение по обстоятельствам (стр. 177).

Интерес представляет продолжение развития вышеприведенной идеи А.А. Карповой. В частности, по мнению диссертанта, какие конкретно условия необходимо будет согласовать сторонам по делу в случае заключения мирового соглашения по делу о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности?

5. Одна из высказанных в работе идей – введение в процессуальное законодательство конструкции исполнительного залога (стр. 196-198). В частности, диссертант пишет о том, что возможно предусмотреть законодательно следующее: «...с момента передачи ... имущества взыскателю по акту приема-передачи оно считается находящимся в залоге у должника до момента исполнения взыскателем обязанности по возврату стоимости данного имущества в пользу должника» (стр. 198).

В таком случае, при реализации данного предложения, потребуется ли внесение соответствующей записи о залоге в реестр недвижимости?

Подводя итог анализу представленной для защиты диссертации, важно подчеркнуть следующее. Сформулированные выше вопросы являются подтверждением того, что работа А.А. Карповой отличается новизной и актуальностью избранной темы, творческим характером. Таким образом, вопросы следует расценивать в большей степени как элементы положительной характеристики осуществленного исследования и как поводы для дальнейших научных поисков. Более того, как заметил сам автор работы, выводы диссертационного исследования могут представлять научную ценность для уточнения и углубления понятийного аппарата многих фундаментальных институтов гражданского процессуального и арбитражного процессуального права, могут представлять практическую ценность при рассмотрении данных споров в судах (стр. 21).

Оценивая диссертацию А.А. Карповой в целом, следует отметить, что работа написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выносимые на защиту, свидетельствующие о личном вкладе автора в развитие науки процессуального права. Высказанные автором предложения аргументированы и могут быть использованы при совершенствовании процессуального законодательства. Содержание диссертации достоверно отражено в автореферате. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы, в том числе в изданиях, входящих в перечень ВАК.

Оформление диссертации соответствует установленным требованиям. Научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, отвечают требованиям обоснованности, достоверности и новизны. Представленная диссертация на соискание ученой степени кандидата наук является научно-квалификационной работой, в которой

содержится решение задачи, имеющей значение для развития теории гражданского процессуального и арбитражного процессуального права.

Диссертация соответствует установленным критериям, а ее автор, Карпова Анастасия Алексеевна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки.

Отзыв подготовлен кандидатом юридических наук, доцентом кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский государственный университет» Д.Г. Фильченко.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский государственный университет» (протокол № 1 от 03 сентября 2022 г.).

Заведующий кафедрой гражданского права и процесса
юридического факультета

Воронежского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор

Е.И. Носырева

Адрес: 394006, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1

тел.: +7 (473) 220-89-24

e-mail: civil.law.vsu@mail.ru

Сведения о ведущей организации:

1. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»; ФГБОУ ВО «ВГУ»

2. 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1

3. Почтовый адрес: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1

Телефон: (473) 220-75-21

Факс: (473) 220-87-55

E-mail: office@main.vsu.ru

Официальный сайт: <http://www.vsu.ru>

4. Основные публикации работников ведущей организации по теме диссертации за последние 5 лет в рецензируемых научных изданиях:

1. *Носырева Е.И., Фильченко Д.Г.* Предложения по развитию института примирения сторон в гражданском и арбитражном процессах // Третейский суд. 2019. № 1/2 (117/118). С. 78-85.

2. *Баулин О.В.* Изменение бремени доказывания и фактической ситуации в доказывании при разбирательстве гражданских дел // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 124-132.

3. *Шеменева О.Н.* Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 343-353.

4. *Фильченко И.Г.* О некоторых особенностях распределения бремени доказывания при оспаривании экстраординарных сделок // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1 (36). С. 111-115.

5. *Шеменева О.Н.* Критерии разграничения гражданско-правовых договоров и процессуальных соглашений // Журнал российского права. 2019. № 4 (268). С. 61-68.

6. *Шеменева О.Н.* Процессуальные соглашения в гражданском судопроизводстве: понятие, виды, практическое значение разграничения с гражданско-правовыми договорами // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 131-148.

7. *Шеменева О.Н.* Последствия несоблюдения претензионного и иного досудебного порядка урегулирования споров на различных этапах гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С. 10-13.

8. *Шеменева О.Н.* Юридический интерес как предпосылка права на обращение в суд с заявлением об оспаривании решений общих собраний собственников жилых помещений // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 45-48.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Карповой Анастасии Алексеевны
на тему «Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок
недействительными и применении последствий недействительности сделок в
гражданском судопроизводстве»,
представленную в диссертационный совет 24.2.390.01
при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении
высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по научной специальности

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертационное исследование А.А. Карповой посвящено проблематике, которая находится на стыке материального права и цивилистического процесса. Замечательно, что в последнее время появляется все больше работ, в которых исследователи обращаются к таким пограничным правовым явлениям. Впрочем, именно об особенностях рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий их недействительности серьезных, обстоятельных исследований, увы, не найдешь днем с огнем. Это довольно странно: последние лет тридцать в цивилистической науке не стихали доктринальные споры, связанные с тематикой недействительности сделок, бурно развивалось гражданское законодательство, так или иначе затрагивающее отдельные основания порочности, активно формировалась судебная практика по оспариванию сделок. Но вот именно работ с процессуальным уклоном практически не было. Между тем потребность в них весьма ощутима, поскольку целый блок довольно сложных вопросов до сих пор не получил серьезного научного осмысления. К примеру, нет четкого понимания в том, как соотносится конструкция двусторонней реституции с диспозитивным началом в целом и с по сути отсутствующим волеизъявлением ответчика в частности. Далее – весьма злободневной является тематика исполнения судебных решений, возлагающих встречные обязанности (что именно и происходит при удовлетворении требования о двусторонней реституции). Совершенно отсутствует теоретическое

осмысление – в контексте процессуальной материи – такого явления как конкуренция исков при оспаривании сделок по взаимоисключающим основаниям. Здесь же можно упомянуть и проблематику, связанную с допустимостью произвольной переквалификации судом правовых оснований недействительности. Крайне сложные вопросы возникают при использовании конвалидационных механизмов (например, как поступать, если уже после того, как принято решение о признании сделки недействительной, сама такая сделка была исцелена по гражданско-правовым правилам?). Имеются отдельные вопросы применительно к правовым последствиям оспаривания сделок, совершенных на стадии исполнения судебного акта (скажем, когда одна из сторон заявляет о зачете на стадии исполнения, а другая, или даже третье лицо, оспаривает такую сделку). Практически нет никаких работ по реституционным соглашениям, которые допускаются п. 3 ст. 431.1 ГК РФ. И это только малая толика тех проблем, которые возникают на стыке материального права и цивилистического процесса при рассмотрении дел и исполнении судебных актов о признании сделок недействительными и применении последствий их недействительности. Разрешение этих и подобных вопросов, несомненно, позволяет говорить об актуальности (нет, даже сверхактуальности!) избранной темы.

Итак, что же удалось автору диссертационного исследования и какие недостатки следовало бы выделить в работе?

Для начала отметим, что результатом научного исследования стал целый ряд достаточно интересных в научном плане выводов:

1. А.А. Карпова довольно основательно погрузилась в известную процессуальную классификацию исков по цели, результатом чего – в контексте проблематики, связанной с недействительностью сделок, – стало выделение:

а) исков о признании – в отношении требований о признании ничтожной сделки недействительной;

б) исков о присуждении – в отношении требований о применении последствий недействительности ничтожной или оспоримой сделки;

в) преобразовательных исков – в отношении требований о признании недействительной оспоримой сделки (в том числе когда она порочится на будущее), а также требований в отношении ничтожной сделки о признании ее действительной.

Сложно не согласиться с тем, что практически вся процессуальная палитра указанной классификации представлена в делах, в которых рассматриваются притязания, связанные с недействительностью сделок.

Отметим, что диссертант предложила даже специальный термин для случая, когда в судебном деле так или иначе фигурирует ничтожная сделка, – речь идет о «внеисковом» режиме признания сделок недействительными (с. 29 диссертации). Согласимся с А.А. Карповой: по сути, описываемое явление действительно существует; выводы о ничтожности могут содержаться в судебном акте даже в случае, когда отдельное требование не заявлялось. Хотя здесь, на наш взгляд, термин подобран не самый удачный: исковое производство ведь не превращается в свой антипод только лишь потому, что вывод о ничтожности не содержится в резолютивной части! Неискушенный в процессуальных тонкостях читатель может быть введен в заблуждение. Видимо, более корректно в данном случае было бы говорить о так называемом «опосредованном оспаривании сделки». Впрочем, терминология – это в известной мере дело вкуса.

Сделаем и еще одно небольшое замечание: автор настаивает на самостоятельном иске «о применении иных последствий недействительности сделок», предлагая в том числе (исходя из положений п. 2 ст. 170 ГК РФ) иск о применении «к прикрывающей сделке правил прикрываемой, то есть той, которую стороны имели в виду» (с. 31 диссертации). Действительно, указанная гражданско-правовая норма предусматривает, что «притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила». Однако можно ли утверждать, что допустимо отдельное исковое требование именно о «применении к прикрывающей сделке правил прикрываемой»? Здесь у нас есть некоторые сомнения: получается, что автор моделирует ситуацию, когда никаких

иных притязаний у сторон договора друг к другу не имеется, и в то же время одна из них довольно абстрактно просит суд применять к сделке какие-то иные правила. Это как минимум выглядит немного странно. На наш взгляд, норма п. 2 ст. 170 ГК РФ рассчитана на иное – на случаи, когда у сторон возник материально-правовой спор из притворной сделки; суд, рассматривая его, квалифицирует сделку как притворную; а вот далее возникает ситуация, когда он не может отказать в иске, ссылаясь на ничтожность, поскольку стороны в действительности связывает совершенно иная сделка, содержательно иное правоотношение; и именно правила этой сделки должны быть учтены при разрешении спора.

Впрочем, не исключено, что вопрос о допустимости именно самостоятельного иска «о применении иных последствий недействительности сделок» не так прост, как нам представляется, а потому требует отдельных размышлений.

2. Автор весьма аргументированно отстаивает допустимость двусторонней реституции без явно выраженной воли ответчика к какому-либо притязанию, связанному с возможной недействительностью сделки. Это крайне непростой вопрос, и, надо сказать, что в целом аргументация автора довольно убедительна.

Тем не менее обратим внимание на то, что базовая основа к возложению материально-правовой обязанности не только на ответчика, но и на истца, появилась не вчера. Насколько нам известно, в отечественной цивилистической среде принято выделять двустороннюю реституцию как некое уникальное советское правовое явление, однако справедливости ради отметим, что о делении исков на *actio simplex* и *actio duplex* упоминал еще Г. Дернбург (*Дернбург Г. Пандекты. Том первый. Общ. часть. Москва: Университетская типография, Страстной бульвар, 1906 г. С. 360, 361*). И, конечно же, схематически *actio duplex* (иски, при удовлетворении которых юридические обязанности либо иной негативный материально-правовой эффект возникают для обеих спорящих сторон) – это исторически сложившееся родовое понятие, а советская реституция лишь частный его случай.

Впрочем, это никоим образом не умаляет ценности размышлений диссертанта в вопросе о допустимости двусторонней реституции. Просто, видимо, есть

предпосылка для каких-то более обобщенных выводов, тем более что А.А. Карпова сама же упоминает о схожей конструкции применительно к случаям расторжения договора (с. 34 диссертации).

3. Диссертант весьма смело высказалась по проблеме независимости иска о признании оспоримой сделки недействительной от соответствующего реституционного иска (с. 41 диссертации и далее).

Логика в рассуждениях автора, безусловно, есть. Так, она утверждает, что заинтересованность истца «по общему правилу, должна быть направлена на получение судебного решения, не просто подтверждающего недействительность сделки, но и трансформирующего правоотношение из нее. В противном случае может сложиться впечатление, что истец использует указанный способ защиты права вопреки его законному предназначению, то есть действует со злоупотреблением правом, недобросовестно» (с. 41 диссертации). Согласимся: чаще всего такое поведение истца выглядит алогично – он ведь уже произвел исполнение, почему же не потребовать назад переданное?

И все ж таки в рассматриваемой ситуации не все так однозначно. Допустим, заключенный договор носит длящийся характер. Да, истец уже произвел частичное исполнение. Но может ли фактически сложиться ситуация, когда за это исполнение он уже получил оплату (и потому не склонен требовать двусторонней реституции), и в то же время на будущее истец не желал бы исполнять договор именно в силу выявленной порочности? Полагаем, такие случаи хоть и редки, но вполне допустимы. По этой причине полностью согласиться с тезисом о независимости иска о признании оспоримой сделки недействительной от соответствующего реституционного иска не представляется возможным.

4. Диссертант вполне логично предлагает наделить суд полномочием «отказать в принятии рассматриваемого иска или прекратить производство по делу (в случае если исковое заявление было принято) при установлении факта отсутствия законного интереса истца» (с. 103 диссертации).

Сложно не согласиться с автором: заведомое отсутствие законного интереса у истца должно пресекать холостую работу судебной системы. То, что сейчас мы наблюдаем (рассмотрение дела и отказ в удовлетворении требования по существу), конечно же, прямое следствие откровенно слабой законотворческой работы: логика отсутствия интереса должна универсально работать не только применительно к административному судопроизводству (имеется в виду п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ), но и в отношении любых частных споров.

Другое дело, что можно (и нужно) отдельно обсуждать, насколько способен суд на стадии возбуждения сделать достоверный вывод об отсутствии такого интереса. Возможно, правильнее было бы все же возбуждать производство по делу, а потом отдельно ставить этот вопрос, давая возможность высказаться и представить доказательства всем лицам, участвующим в деле. Однако в целом, конечно, идея автора концептуально верная – при отсутствии интереса истца требуется окончание судебного производства без разрешения спора по существу.

Автором выдвинуты и другие идеи, заслуживающие самого пристального внимания как со стороны цивилистов, так и процессуалистов. Однако обоснованность некоторых суждений все же вызывает сомнения:

1. А.А. Карповой сделан целый ряд выводов, касающихся распределения бремени доказывания по делам о признании сделок недействительными и применении последствий их недействительности (с. 141–158 диссертации). Некоторые из них, полагаем, нуждаются в критическом осмыслении.

Так, базовой посылкой, из которой исходит диссертант в своих размышлениях, является тезис о том, что «проблемы широкого использования оценочных категорий при формулировании как обстоятельств, формирующих предмет доказывания, так и презумпций, приводят к усложнению распределения бремени доказывания, поскольку ни одна из сторон, несущих бремя доказывания, не может быть однозначно уверена в доказанности своей позиции» (с. 156 диссертации).

Эта идея привела автора к выводу о том, что «для корректировки

неопределенности при доказывании оценочных категорий либо использовании их в презумпциях является разработка доказательственных правил, которые могли бы применяться судом в тех или иных неоднозначных ситуациях. В частности, суд вправе возложить бремя доказывания обстоятельства, сформулированного посредством оценочной категории, на другую сторону в том случае, если одновременно выполнены два условия: а) обязанная к доказыванию сторона объективно лишена возможности знать или доказать такие обстоятельства; б) эти обстоятельства известны или должны быть известны другой стороне» (с. 156 диссертации).

Здесь, скажем прямо, наблюдаются просто парадоксальные суждения.

Во-первых, очень странной выглядит апелляция к тезису о том, что «ни одна из сторон, несущих бремя доказывания, не может быть однозначно уверена в доказанности своей позиции». На наш взгляд, это совершенно нормально – только в формальной теории доказательств есть какая-то «уверенность» у спорящего субъекта. В современных же правопорядках, насколько нам известно, преобладает теория свободной оценки доказательств, а потому неважно, что за инструменты использует суд (оценочные понятия, презумпции и т.д.), – все равно до финальной стадии ни одно лицо, участвующее в деле, не может быть уверено в строго определенной оценке доказательств, которую даст правоприменитель.

Во-вторых, понятно стремление автора воспользоваться наработками немецкой доктрины и практики – упомянутые А.А. Карповой два условия для перераспределения бремени доказывания обстоятельства, сформулированного посредством оценочной категории, практически дословно изложены ранее в самой диссертации как проявление доктрины «секундарного бремени утверждения», «die sekundäre Behauptungslast (Darlegungslast)» (с. 155 диссертации).

Попробуем поразмышлять над этим предложением А.А. Карповой.

Первое условие предполагает, что «обязанная к доказыванию сторона объективно лишена возможности знать или доказать такие обстоятельства». Что значит лишена возможности знать? Сторона ссылается на факт (предположим, какое-то обстоятельство, связанное с порочностью), но при этом о нем не знает? Это

как минимум выглядит странно. А как понимать «лишена возможности доказать»? Нет доказательств? Допустим, что сама же сторона их утратила. Что в итоге получается – потерял доказательство, значит можно требовать от суда перераспределения бремени доказывания? Еще более странно...

Второе условие предполагает, что «эти обстоятельства известны или должны быть известны другой стороне». Иначе говоря, автор допускает, что процессуальный оппонент тоже может не иметь доказательств – главное, чтобы ему были известны искомые обстоятельства. Что логически из этого следует? Что оппонент должен признать невыгодный для себя факт? Вряд ли это имелось в виду... Мы действительно не видим выхода из этого логического тупика. Хотелось бы, чтобы во время публичной защиты автор дала необходимые пояснения: то ли «хромает» немецкая доктрина, то ли ее положения изложены недостаточно полно, то ли автор как-то иначе представляет себе логику совместного функционирования двух предложенных условий.

2. А.А. Карповой анализируются положения п. 4 ст. 178 ГК РФ и подвергается критике позиция авторов (В.В. Байбака и А.Г. Карапетова), которые полагают, что «решение суда об отказе в удовлетворении иска о признании сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения, недействительной и о сохранении ее силы на иных условиях является преобразовательным» (с. 175 диссертации). При этом доводы диссертанта концентрируются на том, что «трансформация происходит не на основании выраженной воли заблуждающегося в виде иска об изменении договора, а на основании воли ответчика, выраженной не в форме встречного иска, а в возражениях» (с. 175, 176 диссертации).

Далее А.А. Карповой делается очень категоричный вывод: «Суд в данном случае выходит за пределы заявленных исковых требований, разрешая не предъявленные в форме иска или встречного иска требования, а фактически навязывая истцу изменение правоотношения, в отсутствие согласия последнего на это. Иными словами, реализация рассматриваемой конструкции в условиях молчания истца и отсутствия его согласия не представляется возможной» (с. 176

диссертации).

Полагаем, подобные суждения следует подвергнуть критике.

В соответствии с п. 4 ст. 178 ГК РФ «сделка не может быть признана недействительной по основаниям, предусмотренным настоящей статьей, если другая сторона выразит согласие на сохранение силы сделки на тех условиях, из представления о которых исходила сторона, действовавшая под влиянием заблуждения. В таком случае суд, отказывая в признании сделки недействительной, указывает в своем решении эти условия сделки».

Поставим для начала самый общий вопрос: действительно ли является отказное судебное решение преобразовательным? Возьмем простой пример с опиской. Изначально оспоримая сделка была действительной – ее содержание определялось текстом договора, содержащим указанную описку. Вследствие предъявления иска никакой трансформации не произошло, однако после того, как контрагент заблуждавшейся стороны выразил согласие на сохранение силы сделки на тех условиях, из представления о которых изначально исходила заблуждавшаяся сторона, оспоримая сделка, продолжая оставаться действительной, тем не менее теперь связывает стороны иным правоотношением: описку нужно игнорировать, а руководствоваться действительной волей лица, допустившего описку. Неужели здесь нет преобразования? Конечно, есть. И потому следует согласиться с высказанной В.В. Байбаком и А.Г. Карапетовым позицией о преобразовательном характере судебного решения.

Далее А.А. Карпова обнаруживает, что суд в итоге выходит за пределы заявленных исковых требований. Внешне вроде бы имеются все предпосылки для того, чтобы согласиться с диссертантом: суд в итоге отказывает в иске о признании сделки недействительной и указывает в решении скорректированные условия сделки; при этом формально истец просил признать сделку недействительной, а судебное состязание закончилось тем, что сделка не только не была опорочена, но в итоге теперь имеется измененное обязательство. Да, истец о таком изменении не просил. Но тут надо задуматься над логикой законодательного решения. А она, как мы полагаем, состоит в том, что истец изначально был готов вступить в договорно-

правовую связь (на условиях, содержащихся в подписанном договоре, без имевшейся описки); и он вступил в нее (но на условиях, содержащихся в подписанном договоре, с учетом имевшейся описки); однако поскольку контрагент готов к трансформации, удаляющей имевшийся дефект, вызванный опиской, то происходит сохранение той «картины» обязательства, из которой изначально исходил истец! Иначе говоря, твои права, товарищ истец, никак не нарушаются: ты ведь хотел вступить в правоотношение с определенным содержанием, именно это ты в итоге через судебное решение и получаешь! Само же предъявление иска об опорочивании сделки не означает, что ты можешь сбросить «обязательственные оковы», в которых ты должен был оказаться, если бы не злосчастная описка; такой иск лишь твоя попытка вообще прекратить правоотношение (изначально или с перспективным эффектом), но не инструмент абсолютного самоустранения из обязательственно-правовой связи.

И вот здесь-то, полагаем, диссертанту следовало не бросать упрек (что суд де-юре или де-факто разрешил «не предъявленные в форме иска или встречного иска требования», что «фактически навязал истцу изменение правоотношения в отсутствие согласия последнего на это»), а просто поразмышлять над тем, что за процессуальный феномен мы наблюдаем. Возможно, стоило поставить более общий вопрос о допустимости трансформации обязательства вследствие сложного фактического состава (искаженной воли стороны при заключении договора; воли контрагента, выраженной в судебном разбирательстве, возбужденном по иску о признании сделки недействительной; конвалидирующего судебного решения, фиксирующего измененное правоотношение). Насколько нам известно, ранее в цивилистике подобная конструкция не использовалась. Однако вряд ли нужно ее категорически отвергать только лишь потому, что именно в рамках судебного производства истец желал иного результата – элегантное законодательное решение позволяет сохранить (пусть и на измененных условиях) сделку, не навязывая истцу некое новое условие, а, по сути, соглашаясь с его первоначальным представлением о ее условиях (он ведь именно этого хотел!). Сама по себе судебная процедура, возбужденная по поводу опорочивания сделки, видимо, не должна перевешивать

ценность сохранения позитивного материально-правового эффекта сделки. В конце концов, ответчик ведь не просто так заявил о согласии с изменением правоотношения – он-то уже либо частично исполнил обязательство, либо совершил необходимые приготовления для исполнения. Должен ли интерес заблуждавшегося истца в опорочивании сделки перевешивать потребность оборота в ее сохранении вкупе с интересами ответчика, который ведет себя безупречно? Вот над чем следовало бы основательно подумать.

Впрочем, отметим, что поставленные нами вопросы довольно сложны, при этом явно носят дискуссионный характер и не только не умаляют научных достоинств проведенного диссертационного исследования, но и позволяют сделать вывод о несомненно творческом, не побоимся этого слова – прорывном характере работы.

Диссертация А.А. Карповой обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты относительно проблематики, связанной с процессуальными особенностями рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в гражданском судопроизводстве. Содержащиеся в диссертационной работе положения, выносимые на публичную защиту, и предложения обладают теоретической, практической значимостью и научной новизной, а также характеризуются высокой степенью обоснованности и достоверности, что свидетельствует о личном вкладе автора в науку цивилистического процессуального права.

Основные положения научного исследования в полной мере представлены в автореферате, а выводы нашли свое отражение в ряде научных публикаций.

Диссертационное исследование А.А. Карповой является завершенной самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей существенное значение для развития современной науки цивилистического процессуального права, а также изложены новые научно обоснованные решения и разработки тематического характера.

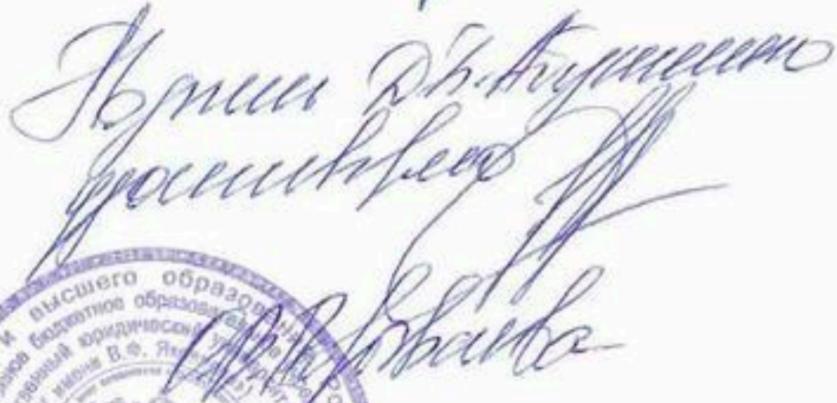
Таким образом, можно сделать вывод о том, что диссертационная работа соответствует требованиям раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор – Карпова Анастасия Алексеевна – заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры гражданского процесса
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования
«Уральский государственный
юридический университет
имени В.Ф. Яковлева»

Д.Б. Абушенко

21 сентября 2022 г.

Абушенко Дмитрий Борисович
Адрес (рабочий):
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, к. 404,
кафедра гражданского процесса
т. +7 343 374 05 10
abushenko73@yandex.ru
<http://www.usla.ru>

Сведения об официальном оппоненте:

1. Абушенко Дмитрий Борисович

2. Доктор юридических наук (юридические науки, 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки)

3. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева», профессор кафедры гражданского процесса

4. Основные публикации официального оппонента по теме диссертации за последние 5 лет в рецензируемых научных изданиях:

1. *Абушенко Д.Б.* Соглашение о реституционных последствиях: размышления о процессуальных механизмах реализации правовой конструкции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 12. С. 98-115.

2. *Абушенко Д.Б.* Процессуальное правопреемство в практике Верховного Суда Российской Федерации: переход от материально-правовой к смешанной модели // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 12. С. 29-31.

3. *Абушенко Д.Б.* Процессуально-правовые последствия неутвержденного мирового соглашения в исковом производстве: опыт анализа по законодательству Российской Федерации // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 92-116.

4. *Абушенко Д.Б.* Вопросы ретроактивности зачета применительно к стадии исполнения судебного акта // Российский юридический журнал. 2020. № 6 (135). С. 130-135.

5. *Абушенко Д.Б.* Гражданско-правовой зачет и зачет, производимый при удовлетворении судом встречного и первоначального исков: теоретические размышления о сходстве и отличиях правовых институтов // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 6. С. 13-29.

6. *Абушенко Д.Б.* Механика взаимодействия материального и процессуального на примере цессии в исполнительном производстве // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 3. С. 107-114.

7. Абушенко Д.Б. Гражданско-правовой зачет и зачет, производимый при удовлетворении судом встречного и первоначального исков: теоретические размышления о сходстве и отличиях правовых институтов (продолжение) // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 2. С. 26-49.

8. Абушенко Д.Б. Гражданско-правовой зачет и зачет, производимый при удовлетворении судом встречного и первоначального исков: теоретические размышления о сходстве и отличиях правовых институтов (продолжение) // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 4. С. 50-69.

В Диссертационный совет Д 24.2.390.01,
созданный на базе федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

ОТЗЫВ

ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Карповой Анастасии Алексеевны на тему:
**«Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок
недействительными и применении последствий недействительности
сделок в гражданском судопроизводстве»**, представленную на соискание
ученой степени кандидата юридических наук по специальности
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Тема процессуальных особенностей рассмотрения судами дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок, избранная А.А. Карповой для диссертационного исследования, весьма актуальна для российской процессуальной науки и правоприменительной практики.

Проблематике недействительности сделок и применения последствий их недействительности посвящено немало исследований материально-правового характера. Как убедительно показано во введении к диссертации (с. 8-9), работ, посвященных исследованию процессуальных аспектов рассматриваемой проблематики, чрезвычайно мало, что свидетельствует о безусловной актуальности выбранной для диссертации темы.

Содержание диссертации свидетельствует о несомненной теоретической значимости выбранной для исследования темы, поскольку институт недействительности сделок и применения последствий недействительности в преломлении к процессуальной форме зачастую

показывает полную несостоятельность по причине несогласованности материального и процессуального права, что вызывает потребность нового, свежего осмысления многих процессуальных институтов, разработки новых, не известных отечественной доктрине и действующему законодательству, либо совершенствования материального права.

Налицо и практическая значимость изучения процессуальных особенностей рассмотрения дел о признании сделок недействительными и о применении последствий недействительности сделок, т.к. налицо большая специфика такой категории дел, огромная разница между материально-правовым пониманием недействительности и применением реституции и процессуально-правовым механизмом их реализации, особенно в условиях разработки материально-правовых норм без оглядки на их применение в порядке гражданского судопроизводства.

В результате можно с определенными оговорками утверждать, что автору удалось достичь поставленной цели разработки, формирования и систематизации научных и практических положений о процессуальных особенностях рассмотрения указанной категории дел с учетом тенденций развития современного цивилистического процесса в сочетании с бережным отношением к научному наследию процессуального права (с. 10 диссертации, с. 7 автореферата).

Структуру работы в целом следует признать логичной и позволяющей решить поставленные задачи на пути к достижению обозначенной выше цели.

В первой главе А.А. Карпова сосредоточивается на выявлении особенностей исковой формы защиты прав и охраняемых законом интересов по делам о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок.

При этом в первом параграфе предпринимается попытка классификации и видов исков о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок, а во втором параграфе

анализируются предмет и основание требований о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок и предлагается авторская классификация предметов исков и зависящих от предметов оснований требований о признании сделок недействительными, показывается связь между заявлением требования о признании недействительной оспоримой сделки и применением последствий ее недействительности.

Во второй главе, состоящей из трех параграфов, последовательно освещается реализация права на обращение в суд. В первом параграфе рассматривается компетенция судов общей юрисдикции и арбитражных судов на разрешение указанной категории дел, обращается внимание на наиболее острые, стоящие перед практикой вопросы. Во втором параграфе автор сосредоточивается на субъектном составе участников споров, в третьем – на особенностях реализации лицами, участвующими в деле, их распорядительных правомочий.

Третья глава посвящена изучению особенностей доказывания по рассматриваемой категории дел.

В первом параграфе автор углубляется в определение предмета доказывания, убедительно показывая различие предметов доказывания в зависимости не только от вида требования (признание сделки недействительной или применение последствий недействительности), но и в зависимости от вида недействительной сделки.

Во втором параграфе речь идет о распределении бремени доказывания и о сложностях, возникающих при применении соответствующих материально-правовых и процессуально-правовых норм, многие из которых являются оценочными.

Наконец, в четвертой главе автор изучает судебное решение по рассматриваемой категории дел и проблемы, связанные с его исполнением.

Общие вопросы, связанные с судебным решением, в параграфе первом позволили автору выйти на анализ проблем, связанных с реализацией

закрепленной в материальном законодательстве возможности предусмотреть иные последствия недействительности сделки, и в параграфе втором рассмотреть перспективу введения в отечественный правопорядок института частичного решения.

В третьем же параграфе автор сосредотачивается на анализе сложностей, имеющих место на стадии исполнительного производства.

В заключении автор подводит итог своей исследовательской деятельности и еще раз формулирует выводы, ранее в том или ином виде обозначенные в тексте работы.

Анализ выполненной А.А. Карповой диссертации не оставляет сомнения в том, что автор глубоко изучил использованную им при написании работы литературу, представленную трудами ученых по общей теории права, ученых-цивилистов, специалистов в области гражданского и арбитражного процессуального права.

Бесценным следует также признать многократное обращение автора к немецкому опыту, воплощенному в источниках на иностранном языке.

Положительными чертами работы следует признать подробное изучение диссертантом российского законодательства, разъяснений Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, практики применения законодательства о недействительности сделок и применении последствий их недействительности судами различных уровней, примерами из которых автор убедительно подкрепляет некоторые свои тезисы.

Несомненно, подлежат дальнейшему осмыслению предложенные автором изменения в Гражданский и Арбитражный процессуальный кодексы.

Проведенное исследование позволило А.А. Карповой предложить ряд интересных, хотя и не бесспорных выводов, многие из которых заслуживают самого пристального внимания.

Заслуживает дальнейшего изучения классификация оснований исков о признании ничтожной сделки недействительной (с. 64-66 диссертации) и о

признании оспоримой сделки недействительной (с. 66-67 диссертации, с. 21 автореферата), имеющая практическую значимость – необходимость включения в основание иска обстоятельства осведомленности другой стороны о наличии препятствий к совершению сделки, в отсутствие которой сделку признать недействительной нельзя (с. 67 диссертации).

На с. 69-70 диссертации содержится интересный вывод о том, что при признании недействительными оспоримых сделок ряд составов недействительности реализуется через противоречие сделки конкретной норме права, поэтому следует различать правовое основание иска – конкретную статью материального закона, предусматривающую состав недействительности, и нормативные условия (гипотеза нормы права), которые являются условием недействительности и входят в малую посылку силлогизма, что представляет собой исключение при определении основания иска как совокупности фактических обстоятельств и адресуется к конкретной норме права при обосновании недействительности сделки

Заслуживает внимания предложенная автором детализация предмета доказывания в зависимости от вида ничтожной и оспоримой сделки (с. 144-146 диссертации, с. 23-24 автореферата). Убедительно показываются различия в предмете доказывания по каждой из групп таких сделок.

Интересны рассуждения диссертанта о действии оценочных категорий (с. 147-148 диссертации) и презумпций (с. 148-154 диссертации) при распределении бремени доказывания по делам о признании сделки недействительной.

Вместе с тем, ряд посылок и суждений диссертанта носит, по мнению оппонента, дискуссионный характер, что не позволяет с ними согласиться.

1. Некоторые вопросы вызывает уже структура работы.

Так, глава 2 поименована как «Реализация права на обращение в суд субъектами по делам о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок».

Если параграф 2.1, посвященный компетенции судов, еще можно отнести к реализации права на обращение в суд, то параграфы 2.2 «Субъектный состав дел о признании сделок недействительными...» и 2.3 «Реализация распорядительных прав субъектами...» наименованием главы не охватываются, по причине чего в этой части структуру работы сложно признать удачной.

2. В первом положении на защиту, на с. 37-38 диссертации и на с. 21 автореферата автор пытается доказать существование «внеисковых» форм (режимов) оспаривания сделок и применения последствий их недействительности, аргументируя это тем, что ничтожная сделка признается таковой в мотивировочной части итогового судебного акта по делу без предъявления соответствующего требования, а последствия недействительности в виде двусторонней реституции применяются судом в отсутствие самостоятельного требования ответчика о присуждении с истца в его пользу ранее исполненного по сделке, из чего автором делается вывод о необходимости расширения традиционного понимания иска о присуждении как требования о присуждении чего-либо не только с ответчика, но и в ряде случаев «с себя самого».

Однако, думается, вывод суда о недействительности ничтожной сделки в мотивировочной части судебного акта, которым спор о применении последствий ее недействительности разрешается по существу, не свидетельствует о разрешении незаявленного требования, так как обстоятельства, свидетельствующие о заключении и исполнении ничтожной сделки, о применении последствий которой предъявлен иск, входят в его основание, вследствие чего отсутствует необходимость предъявления самостоятельного требования о признании сделки недействительной.

Напомним, что допущение признания недействительной ничтожной сделки судебной практикой, в последующем закрепленное в абз. 2 п. 3 ст. 166 ГК РФ, было реакцией на невозможность защиты нарушенного права иным способом, общим, каковым является именно применение последствий

недействительности ничтожной сделки, которая недействительна сама по себе, независимо от суда, в силу прямого указания закона.

Поэтому соответствующий вывод в мотивировочной части судебного акта по существу является выводом о факте, а не разрешением спора о ее действительности. Спор имеется именно о применении последствий недействительности, а не о ничтожности или действительности сделки.

Что касается разрешения якобы незаявленного требования о возврате ответчику всего полученного по сделке, то такое последствие недействительности предусматривает сам закон в целях соблюдения баланса прав сторон и недопущения образования на стороне какого-либо контрагента неосновательного обогащения в условиях нарушения прав другого лица.

Стоит ли в подобной ситуации рассуждать о присуждении с истца в пользу ответчика вне иска? Думается, требуя применения двусторонней реституции являющийся стороной сделки истец не требует присуждения с себя в пользу ответчика. Требование истца адресовано исключительно к контрагенту по сделке, однако, возврат истцом ответчику полученного по сделке является своего рода условием удовлетворения предъявленного иска. По существу, заявляя требование о применении именно двусторонней реституции, истец в условиях взаимности возврата по существу провозглашает намерение добровольно вернуть ответчику полученное от него ранее, для чего истцу должны быть созданы соответствующие условия, гарантирующие одновременно право ответчика на получение переданного ранее истцу.

Кроме того, в настоящее время применению последствий недействительности должно предшествовать вынесение данного вопроса судом на обсуждение лиц, участвующих в деле, и выяснение их мнения.

3. По изложенным выше причинам сомнительно и утверждение диссертанта (с. 26-30, 32, 42-43 диссертации) о поглощении иском о применении последствий недействительности ничтожной сделки иска о признании сделки недействительной.

Поскольку ничтожная сделка недействительна независимо от признания ее таковой судом, поскольку факты, свидетельствующие о ее заключении и исполнении, входят в основание иска о применении последствий ее недействительности. Соответственно, истец обязан их доказать, а суд при рассмотрении дела о применении последствий недействительности ничтожной сделки – установить, поскольку применение последствий недействительности (удовлетворение иска) напрямую от них зависит. Поэтому обстоятельства, свидетельствующие о недействительности сделки, входят в предмет доказывания по делу о применении последствий недействительности ничтожной сделки.

4. Сложно согласиться и с тезисом (с. 92 диссертации) о производном (косвенном) характере интереса третьего лица при предъявлении «реституционного» иска к сторонам сделки, в том числе для удовлетворения собственных материально-правовых притязаний такого третьего лица к одной из сторон сделки.

Во-первых, ни доктрине ни законодательству не известно деление интереса на прямой и косвенный, а только на юридический и фактический, во-вторых, возможное совпадение самостоятельного юридического интереса третьего лица с интересом одной или даже обеих сторон недействительной сделки не делает его интерес производным (косвенным).

5. Критикуя точку зрения В.В. Витрянского (с. 182-183 диссертации) относительно содержащегося в п. 3 ст. 431.1 ГК РФ положения, как о поэтапном рассмотрении дела, диссертант предлагает ввести в процессуальное законодательство возможность вынесения частичных решений по искам о признании оспоримой сделки недействительной и применении последствий ее недействительности. По мнению автора, при предъявлении иска одновременно о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности суд вправе вынести частичное решение о признании сделки недействительной и приостановить производство по делу в части требования о применении

последствий недействительности до момента вступления в законную силу судебного решения о признании сделки недействительной при условии, что вопрос о возможности вынесения частичного решения был поставлен судом на обсуждение сторон в судебном заседании либо одна из сторон ходатайствовала о вынесении частичного решения с учетом подготовленности спора по первому требованию к вынесению решения по существу (с. 187 диссертации).

Несмотря на всю привлекательность предложенного автором варианта, необходимо отметить, что процессуальное законодательство не допускает приостановление производства по делу в части, по причине чего не совсем понятна необходимость конструкции «частичного» решения в условиях возможности выдела требования о применении последствий недействительности оспоримой сделки в отдельное производство с его приостановлением до вступления в законную силу решения по делу о признании сделки недействительной.

Кроме того, в отношении частичного решения возникает больше вопросов, чем дается ответов. Помимо уже отмеченной невозможности приостановления производства по делу в части, возникают вопросы наименования и природы «последующего» решения, сроков и порядка его изготовления, сроков и порядка обжалования «последующего» решения, его вступления в силу, последствий восстановления срока на обжалование частичного решения в случае его пропуска по уважительным причинам в условиях вынесения «последующего» решения о применении иных последствий недействительности на согласованных сторонами условиях и т.д.

После апелляционного существует и кассационное обжалование, увеличивающее риск отмены именно частичного решения. Что будет, если суд кассационной инстанции отменит частичное решение о признании сделки недействительной, а «последующее» решение о применении последствий недействительности останется в силе, т.к. лица, участвующие в

деле, не обратятся с заявлением о пересмотре такого решения по новым обстоятельствам? Или в подобных условиях право пересматривать «последующее» решение должно быть предоставлено суду?

6. К сожалению, на страницах диссертации официальному оппоненту не удалось встретить рассуждений автора о влиянии на рассмотрение подобной категории дел и на правовую судьбу недействительных сделок материально-правового возражения о применении срока давности.

Данный вопрос, по крайней мере применительно к ничтожным сделкам, думается, заслуживает самого пристального внимания, ведь заявление о пропуске срока не исцеляет сделку, недействительная сделка в случае применения судом исковой давности продолжает свое существование и, более того, правовое действие, даже несмотря на возможную констатацию ее недействительности судом в мотивировочной части судебного акта.

Данное обстоятельство способно породить неопределенность в правовом положении не только сторон, но и любых других лиц, намеревающихся вступить с ними в правоотношения.

Сформулированные замечания к содержанию работы носят дискуссионный характер и не умаляют общей высокой положительной оценки предпринятого автором диссертационного исследования.

Диссертация Карповой Анастасии Алексеевны обладает целостностью, внутренним единством и завершенностью. По своей актуальности, новизне, личному вкладу автора, теоретической и практической значимости, обоснованности и достоверности диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития науки гражданского процессуального права.

Автореферат диссертации соответствует установленным требованиям и достаточно полно отражает содержание диссертации, которая соответствует специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки. Основные результаты научного исследования представлены в опубликованных работах

автора: диссертант имеет публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России. Результаты исследования докладывались на международных научных конференциях.

Вывод: диссертация Карповой Анастасии Алексеевны на тему «Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в гражданском судопроизводстве» в полной мере соответствует всем требованиям, установленным в Разделе II Положения о присуждении ученых степеней, утв. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а ее автор, Карпова Анастасия Алексеевна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Юридического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

ПОДПИСЬ

Моисеев С.В.

УДОСТОВЕРЯЮ

Анн Овоя О.А.

27.09.2022

Адрес: 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1,

строение 13 (4-й гуманитарный корпус)

Телефон: +7 499 706 00 60

Телефон: +7 925 505 3312

E-mail: legist@bk.ru

Сайт: www.law.msu.ru

Моисеев Сергей Владимирович

Сведения об официальном оппоненте:

1. Моисеев Сергей Владимирович

2. Кандидат юридических наук (юридические науки, 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки)

3. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», доцент кафедры гражданского процесса

4. Основные публикации официального оппонента по теме диссертации за последние 5 лет в рецензируемых научных изданиях:

1. *Моисеев С.В.* Отдельные особенности активного процессуального соучастия при оспаривании совершенных корпорацией сделок // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2017. № 9. С. 45-52.

2. *Моисеев С.В.* Недействительность и незаключенность сделки как основание для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов // *Российское право и правовая система: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (Китай, г. Харбин, 04-05 ноября 2017 г.).* Харбин, 2017. С. 210-228.

3. *Туманов Д.А., Стрельцова Е.Г., Моисеев С.В., Алехина С.А., Бардин Л.Н., Казиханова С.С., Нахова Е.А., Невский И.А., Ненашев М.М., Прокудина Л.А., Смагина Е.С., Султанов А.Р., Чистякова О.П.* Коллективное правовое заключение на законопроект Верховного Суда Российской Федерации о внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и индивидуальные заключения ученых и практиков // *Вестник гражданского процесса.* 2018. № 1. С. 256-345.

4. *Моисеев С.В.* Отдельные вопросы активного процессуального соучастия по корпоративным спорам // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2018. № 6. С. 14-20.

5. *Моисеев С.В.* Размышления о законности ограничения права на судебную защиту владельцев облигаций // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 9. С. 33-42.

6. *Mouseev C.B.* Оспоримость сделки как основание для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам // *Liber Amicorum* в честь профессора Абовой Тамары Евгеньевны. Современное гражданское обязательственное право и его применение в гражданском судопроизводстве: сб. статей / Т.Е. Абова [и др.]. М.: Проспект, 2019. С. 324-326.

7. *Mouseev C.B.* Косвенный иск... Как много в этом звуке // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2021. № 9. С. 58-71.